

ДВУНАПРАВЛЕННОСТЬ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ (МОДЕЛЬ, В КОТОРОЙ СЛЕДСТВИЕ МОЖЕТ ПРЕДШЕСТВОВАТЬ ПРИЧИНЕ)*

Начну с суфийской поучительной истории.

Учитель и ученик шли по улице, и в это время откуда-то сбоку выскочил всадник на лошади. Они недостаточно проворно посторонились, чем вызвали сильное негодование наездника, обрушившего на их головы поток злобных ругательств. В ответ на шум люди стали высовываться из окон. Они говорили: «Какой позор! Как не стыдно так поносить почтенных людей! За свое недостойное поведение этот человек заслуживает сурового наказания!»

В этот момент учитель сказал: «Как наивны люди! Как мало они видят. Они даже и представить себе не могут, что за свое поведение он уже поплатился». Ученик, недоумевая, спросил: «Я не понимаю вашей мысли, что она означает?» Учитель ответил: «Не далее как в четверг этот человек просился на обучение к великому мастеру и получил отказ — именно за этот свой поступок. Таким образом, он уже наказан. То, что людям известно как причина и следствие, далеко не исчерпывает всех вариантов этой зависимости».

Итак, если смотреть на события с привычной точки зрения, мы должны будем признать, что в суфийской поучительной истории наказание грубияна имело место до совершения им проступка, послужившего причиной наказания. В современной картине мира такое логически невозможно. Тем не менее, судя по тексту, это и есть то положение вещей в сфере подлинных причинно-следственных зависимостей, которое обычными людьми не осознается и не отслеживается, однако же на самом деле имеет место.

Мне кажется интересным поразмышлять на эту тему. Ведь наиболее нестандартные результаты удастся получить в сфере «самоочевидного», не подвергаемого сомнению (например, убеждения в том, что причина по времени всегда предшествует следствию).

Итак, примем за исходную точку допущение, что в словах суфийского мастера о возможности существования причинно-следственных зависимостей, где следствие оказывается предшествующим причине, есть истина.

В каком случае это возможно? Каким должно быть наше представление о природе реальности, о взаимосвязях явлений, чтобы подобное допущение оказалось осмысленным и непротиворечивым?

В качестве объекта анализа рассмотрим логику развития событий в фильме «Дневной дозор». В картине мы видим, что Антон (главный герой), в начале фильма сделавший выбор в пользу организации выкидыша у изменившей жены, в конце отказывается от предложения колдуньи взять на душу грех убийства ребенка. Для поверхностного наблюдателя, который имеет возможность видеть только события, разворачивающиеся на линейной оси времени, это результат произвольного, непонятно как и почему состоявшегося выбора из равновероятных альтернатив: «да, я готов восполь-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 07-03-00196а.

зоваться помощью колдуньи для решения моей проблемы» – «нет, я как-нибудь сам». Для тех же, кто оказывается свидетелем всей истории, ответ «нет» предстает как мотивированный всей логикой событий, разворачивавшихся в какой-то другой, скажем, альтернативной реальности. Он не просто не случаен и не равновероятен ответу «да», но практически полностью предопределен происходящими с главным героем изменениями в каких-то других мирах.

Обозначим мир, в котором Антон впервые сталкивается с проблемой и размышляет над тем, как ее решить, миром линейного времени. Мир же, где он проживает последствия своего выбора, назовем альтернативным (пока без уточнения характеристик). Если использовать категориальный аппарат современной формальной логики, такого рода миры можно назвать идеальными или мирами знания-мнения субъекта. В них действуют иные, чем в реальном, закономерности, поскольку в идеальных мирах допускаются альтернативные описания состояний. В частности, в них оказываются возможными положения вещей, невозможные в реальном мире, например, противоречивые.

В целях прояснения последующего анализа коротко остановлюсь на используемом далее понятии идеальных миров. Для этого необходимо хотя бы несколько слов сказать о причине его появления в арсенале средств современной формальной логики.

Миры знания-мнения субъекта

Семантики идеальных миров призваны обеспечить возможность адекватного анализа интенциональных контекстов (в частности, тех, которые содержат операторные выражения «верит», «знает», «полагает», «надеется», «ожидает» и т.п.¹). Трудности с их исследованием связаны с тем, что в них может нарушаться принцип подстановки. Иначе говоря, в сложном предложении при замене подоператорного выражения другим, равным ему по значению (а точнее, L-эквивалентным², т.е. совпадающим по значению во всех возможных мирах), из исходного истинного предложения мы можем получить ложное.

Например: «Вася знает, что число жителей Берлина больше миллиона». Если упомянутый в контексте Вася это действительно знает, предложение будет истинным. Но если мы заменим подоператорное выражение «Число жителей Берлина больше миллиона» на L-эквивалентное ему (т.е. совпадающее по значению во всех возможных мирах) «Число жителей Берлина больше 10^n , где $n=6$ », то результирующее сложное предложение «Вася знает, что число жителей Берлина больше 10^n , где $n=6$ », даже при истинности исходного, может быть ложным, если, допустим, Вася – ученик младших классов, еще не знакомый со степенными функциями. Таким образом, из исходно истинного предложения при замене подоператорного выражения на логически эквивалентное ему (что, по идее, должно обеспечить сохранение истинностного значения), мы, в нарушение принципа подстановки, из истинного предложения можем получить ложное. Это означает, что логическая эквивалентность не является достаточной для взаимозаме-

¹ Так называемых эпистемических контекстов.

² Логически эквивалентным.

нимости в эпистемических контекстах. Или по-другому: что в эпистемических контекстах (т.е. там, где речь идет о состояниях знания-мнения субъекта) L-эквивалентность не является экспликацией синонимии.

Но ведь естественный язык содержит такие контексты, и, соответственно, для их анализа должны быть разработаны подходящие средства. Семантика идеальных миров предоставляет для этого довольно хорошие возможности. За счет чего же? Если говорить неформальным языком, за счет того, что идеальный мир задается в ней как множество, допускающее наличие противоречивых состояний. В традиционных описаниях состояний любая переменная содержится либо в положительном, либо в отрицательном варианте, но не в том и другом вместе. Иначе говоря, описание возможных состояний для данной переменной предполагает, что она может быть истинна или же она может быть ложна, но не истинна и ложна одновременно.

Однако в идеальных мирах, как мы видели, возможна ситуация, когда некоторое положение вещей характеризуется как известное субъектом, а логически эквивалентное ему как не известное (именно так было в нашем примере). Это значит, что в эпистемических контекстах для того, чтобы одно выражение было признано заменимым на другое, надо не просто, чтобы они совпали по значению во всех возможных мирах (мирах, задаваемых традиционными описаниями состояний), но и в идеальных мирах (т.е. мирах, где встречаются и противоречивые состояния).

Теперь более содержательный аспект: почему миры знания-мнения субъекта могут адекватно описываться как задаваемые противоречивыми описаниями состояний, и при этом не происходит разрушения всей системы знания как внутренне противоречивой? Или, проще говоря, почему противоречия могут встречаться в мирах знания-мнения субъекта, но при этом сама система знания-мнения не тривиализируется³?

Мне кажется, хорошее представление об этом дает рассмотрение внутренней структуры психики человека (того, что с позиции логического анализа я назвала идеальными мирами, мирами знания-мнения субъекта), осуществляемое с привлечением понятия субличности (или, как еще говорят, парциальных личностей).

Итак, откуда во внутренних мирах субъекта берутся противоречивые компоненты? Как они уживаются в психике человека без того, чтобы сделать всю эту систему внутренне противоречивой, тривиализировать ее? Коротко приведу рассуждения Д. Чопры. Говоря о том, как рождаются субличности, он пишет: «Когда память, энергия, привязанность собираются вместе, вы получаете начало субличности»⁴. Субличности «всегда сделаны из одного и того же — из каких-то старых энергий, от которых не может освободиться ваша память. Например, у вас сохранилось воспоминание о том, как вас наказывали, когда вы, будучи ребенком, делали что-то не так. С этим воспоминанием неразрывно связана энергия обиды или чувство несправедливости, служащие началом создания фрагмента личности — обиженного ребенка, — которая будет выражать свой узкий взгляд на вещи до тех пор, пока вы от нее не освободитесь... Поскольку ваша память полна

³ Иными словами, не оказывается так, что в ней становится выводимым любое утверждение. В классической логике именно так и происходит: факт наличия противоречия в системе равнозначен тому, что в ней выводимо любое утверждение. Это и называется тривиализацией системы.

⁴ Чопра Д. Путь волшебника. М., 2007. С. 128.

как счастливых, так и болезненных ассоциаций, внутренние личности принимают как приятные, так и неприятные формы. Приятно вспоминать о награде, полученной за хорошую работу, но неприятно вспоминать о том, как вы подверглись критике. Однако эти противоположные воспоминания не уничтожают друг друга: они сохраняют свою целостность и конфликтуют со своими противоположностями»⁵.

Субличности стремятся к одному и тому же: выразить себя через человека. «Плачущий младенец, одинокий ребенок, разочарованный подросток, питающий надежды влюбленный, честолюбивый работник — все они хотят получить свое право на жизнь через вас. И всем им до некоторой степени это удастся. Ни одна из личностей не находит полного удовлетворения, поэтому все продолжают шумно сражаться за свое место под солнцем — или в тени. В результате возникает конфликт, который делает жизнь человека такой неоднозначной»⁶.

Здесь интересным мне кажется замечание о том, что противоположные субличности не уничтожают друг друга, а продолжают сосуществовать, создавая состояние внутреннего напряжения и конфликта. В категориальном аппарате логической теории такому положению вещей, как мне кажется, соответствует то, что в идеальных мирах допускается наличие противоречивых состояний. При этом наше эго-сознание определяет, кому дать право голоса в данный конкретный момент, а кого заставить молчать. Именно это и обуславливает то, что психика человека, несмотря на наличие в ней противоречивых, конфликтующих аспектов, не превращается в бессмысленную и пустую мешанину вопящих голосов.

Таким образом, если мы смотрим на миры знания-мнения субъекта с логической точки зрения, то видим такую их характеристику, как допустимость противоречивых состояний. А если с психологической, то отмечаем возможность присутствия в подобного рода мирах взаимоисключающих содержаний, поставляемых парциальными личностями (субличностями), некоторые из которых могут конфликтовать друг с другом, выдвигая взаимоисключающие требования и продуцируя взаимоисключающие идеи.

Структура пространства мнимости

Итак, мы рассмотрели, какой смысл будет вкладываться в понятие идеальных миров в данной статье. Вернемся теперь к обсуждавшемуся сценарию внутренних трансформаций, происходивших с героем «Дневного дозора». Мы договорились обозначить мир, в котором Антон впервые сталкивается с проблемой и размышляет над ее решением, миром линейного времени. Мир же, где он проживает последствия своего выбора, назвали идеальным.

Если наблюдатель, подобно Антону, как персонажу с оси линейного времени, не знает о происходящем в идеальных мирах, то варианты «да» и «нет» в точке ветвления возможностей для него равновероятны и полностью произвольны: захотел, сказал «да», захотел, сказал «нет». Этот выбор не имеет предыстории, глубины и кажется ничем не связанным, кроме непонятно почему возникающего внутреннего импульса. Если же наблюдателю доступна информация о происходящем в идеальных мирах (мирах знания-мнения Антона), то выбор «нет» предопределен всей логикой раз-

⁵ Чопра Д. Путь волшебника. С. 126–127.

⁶ Там же. С. 128.

вития событий альтернативного мира и предстает как совершенно не случайный и не равновероятный выбору «да». События, обусловившие принципиально новый выбор главного героя, разворачиваются не в объективной реальности: для Антона, находящегося на линейной оси времени и проживающего свою жизнь в режиме физического мира, временные лакуны в происходящем, куда могли бы «встроиться» другие измерения, другие миры, отсутствуют. События следуют непрерывной чередой одно за другим: приход к колдунье, разговор, ее предложение решить проблему при условии, что он берет грех на себя, и наконец, его решение.

Заметим, любой выбор из имеющихся альтернатив, каким бы произвольным он ни казался поверхностному наблюдателю (впрочем, как и самому герою, часто не осведомленному о собственных трансформациях в мирах знания-мнения), абсолютно не случаен: он предопределен личностными параметрами выбирающего, его внутренними глубинными установками (предиспозициями) в отношении себя и мира. И только если мы упускаем из виду объемность происходящего (а именно, то, что реализуется в альтернативных мирах), оставаясь на поверхности, ограничиваясь миром линейного времени, мы теряем возможность увидеть подлинную связь явлений, узнать их как неслучайные, имеющие предысторию и обусловленные логикой развития процессов во внутреннем мире субъекта.

Чтобы в дальнейшем было удобно говорить об этих разного уровня подходах, поверхностном и глубинном (учитывающем объем, который придает наблюдаемому знанию о происходящем в альтернативных мирах, а именно, в мирах знания-мнения субъекта), используем понятие мнимого времени.

Космолог Стивен Хоукинг определяет мнимое время как вертикальную ось системы координат по времени. Линейное время, на которое ориентировано миропонимание в физическом мире, может быть представлено как стрела, направленная из прошлого в будущее. В таком случае мнимое время предстает как вертикальная ось, берущая начало из некоей точки на оси линейного времени. Особенностью оси мнимого времени является отсутствие различия между ее верхней и нижней частью. Как комментирует эту идею Арнольд Минделл, известный исследователь проблематики сновидения: «Это означает, что между прямым и обратным направлениями мнимого времени не может быть никакого значимого различия».⁷ Минделл отмечает, что такое понимание — в русле идей Лейбница, который определил мнимое число i уравнением $i^2 = -1$ и назвал его «Святым Духом» математики. Соответственно, выражение $\sqrt{-1}$ может рассматриваться как репрезентирующее идею мнимости. Тогда ось мнимого времени предстает как ось чисел, кратных $\sqrt{-1}$. Я буду называть мнимым время, разворачивающееся в мирах знания-мнения субъекта.

На мой взгляд, понятие мнимого времени имеет смысл использовать в точке ветвления возможностей, когда выбор, который готовится осуществить человек на оси линейного времени (в реальном, физическом мире), проходит проверку, своего рода, «обкатку», в его идеальных мирах.

В частности, в первый раз, когда Антон принимает решение взять на душу грех убийства ребенка, последующие события начинают раскручиваться именно в пространстве мнимости (правда, это становится понятным лишь тогда, когда все возвращается в исходную точку выбора и оказывается, что в реальном мире ничто из увиденного не происходило). Мы становимся сви-

⁷ Минделл А. Сила безмолвия. М., 2003. С. 170.

детелями длинной цепочки событий, заканчивающихся драматичным столкновением светлых и темных сил, с победой последних, и разворачивающимся концом света. И несмотря на то, что в распоряжении светлых сил оказывается мел судьбы, позволяющий переписать историю, выясняется, что отменить их неблагоприятное течение невозможно иначе, как изменив первоначальный выбор, лежавший в основании данной цепочки следствий.

Узнавший и переживший все это на собственном опыте, главный герой возвращается на место, где когда-то сказал «да» в ответ на предложение колдуньи, и на этот раз мелом судьбы пишет «нет». В то же мгновение восстанавливается первоначальная линейная реальность, с которой и стартовало разворачивание событий на оси мнимого времени, но только за несколько мгновений до того, как тогдашний Антон (с оси линейного времени), на предложение колдуньи ответил «да». Таким образом, ему снова предоставляется возможность сделать выбор. Нынешний Антон, который, если смотреть на ситуацию на поверхностном уровне, вроде бы тот же, что и в начале картины, на самом деле несет в себе знание и опыт своего альтер-эго с оси мнимого времени, хотя сам об этом и не подозревает. И вот этот, на самом деле глубинно иной человек, на сей раз на предложение колдуньи отвечает «нет».

Дальше события идут по совершенно иному сценарию, чем это происходило после ответа «да»: столкновения темных и светлых сил не происходит вовсе, ни о каком конце света и речи нет. И судьба Антона, судя по всему, сложится благополучно. Но что примечательно, сам он, как персонаж с оси линейного времени, ничего не знает о своем двойнике с оси мнимого времени, порожденном первоначальным выбором и на своем горьком опыте узнавшем его последствия. Иными словами, собственной жизнью, собственной драматичной судьбой Антон с оси мнимого времени *обеспечивает* личностную трансформацию Антона с оси линейного времени, что и создает предпосылки для противоположного выбора в точке ветвления.

И поскольку, как уже говорилось, любой выбор является точным выражением глубинной внутренней природы выбирающего, возможность альтернативного выбора в точке ветвления глубоко не случайна, а обусловлена жизненным опытом двойника Антона с оси мнимого времени, хотя это и не осознается персонажем с оси линейного времени. Принимаемое решение кажется ему полностью независимым, он и понятия не имеет о том, что обеспечило возможность выбора «нет» там, где когда-то было сказано «да». Более того, он не осведомлен даже о том, что уже был момент принятия решения, и было выбрано «да». Для него этих событий нет и не было. Есть объективное положение вещей: изменившая жена, ждущая ребенка, которого он считает чужим; его желание что-то с этим сделать; и колдунья, предлагающая путь решения проблемы. И есть принимаемое решение. Он ничего не знает о той длинной цепочке событий, в результате которых его двойник с оси мнимости узнаёт, к чему приводит такой выбор. И именно осознание Антоном с оси мнимого времени непреодолимой, неустранимой логики развития событий, в основе которых лежал первоначальный выбор, меняет ситуацию внутренне, глубинно, когда человек понимает, что ничто локально, частично изменено быть не может, можно изменить только самый корень, самую основу событий, их причину.

Именно тогда и рождается Антон-2.

Таким образом, мы имеем:

Антон-1 — персонаж с оси линейного времени *до* точки ветвления возможностей (совершения выбора);

Антон-2 – персонаж с оси линейного времени *после* проживания цепочки событий с оси мнимого времени;

Антон-($\sqrt{-1}$) – персонаж с петли мнимого времени. Реально именно он придает глубину происходящему, поскольку события именно его жизни обеспечивают трансформацию Антона-1 в Антона-2.

Если смотреть на события с позиции поверхностного наблюдателя, не имеющего представления о подоплеке происходящего (относящейся к мирам мнимостей), превращение человека, когда-то выбравшего вариант убийства ребенка в качестве средства решения своей проблемы, в человека, отвергающего такой выбор, выглядит скачкообразным, «революционным». А само новое качество личности, позволяющее осуществить такой выбор, эмерджентным, внезапно возникшим.

Однако таким оно предстает только в том случае, если в расчет принимаются лишь события поверхностного уровня (с оси линейного времени). Если же мы рассматриваем более глубокую историю, учитывающую происходящее в мирах мнимостей (идеальных мирах знания-мнения субъекта), изменение его глубинных predispositions перестает выглядеть как неожиданное, немотивированное ходом событий, внезапно рожденное.

В методологическом плане такое добавление глубины событию полезно, т.к. позволяет в точной и отчетливой форме выразить, что отличает эмерджентное качество. А именно, для понимания логики его возникновения необходимо ось линейного времени дополнить петлей, разворачивающейся в пространстве мнимого времени и возвращающейся в точку ветвления возможностей на оси линейного времени.

Итак, жизнь в точке ветвления возможностей течет сразу по двум не просто направлениям, а принципиально разным потокам-мирам: реальному и мнимому. И в тот момент, когда потенциал активности, заложенный в первоначальном выборе, оказывается исчерпанным, события пространства мнимости замыкаются в исходную точку, образуя петлю. Для героя с оси линейного времени подобное замыкание выражается в обретении им знания последствий сделанного выбора, причем не рассудочного, интеллектуального, а пережитого *как процесс собственной жизни*. И в этом смысле, знания *телесного, личностного, всем существом прочувствованного*, что называется, «испробованного на собственной шкуре». Такое знание остается не осознаваемым, переживается как «почему-то склоняюсь к этому варианту», «что-то подсказывает, что так будет лучше» и т.п. Иными словами, предстает как тихий голос интуиции, подсказывающий верные решения, который «почему-то» сплошь и рядом знает, к какому положению вещей стремится развитие событий (и именно по этой причине его подсказки оказываются эффективными).

Если пользоваться словарем синергетики, возникает соблазн заподозрить, что нашей интуиции известен аттрактор, на который *в будущем* «выпадает» система. А это тот же аспект, с которого мы начали анализ проблемы необычных вариантов причинно-следственной зависимости: оказывается, наша интуиция ведет себя так странно, как будто будущее (в нашем понимании, еще не ставшее, не реализованное в физическом мире) ей ведомо. Последнее возможно в том случае, если для нее — для нашей интуиции, для нашего внутреннего подсказывающего голоса — это будущее уже реализовалось, если для нее оно — прошлое.

Таким образом, мы снова возвращаемся к ситуации возможности парадоксальной связи причин и следствий, когда оказывается, что событие, еще не реализовавшееся в нашем мире, в каком-то альтернативном изме-

рении уже состоялось. В суфийской поучительной истории это был проступок грубияна, который послужил причиной его наказания, по нашим представлениям, последовавшего *еще до того*, как был совершен сам проступок. Применительно же к интуиции, это эффект пред-знания, который, если убрать флер мистики, может быть рационально объяснен только в том случае, если предположить, что не реализованное в нашем мире (выразимое как аттрактор, на который еще только предстоит выйти системе), в каком-то другом мире, в другом измерении, уже произошло.

В книге «Против богов: Укрощение риска»⁸ Питер Бернстайн пишет о том, что, согласно теории хаоса, «большая часть явлений, представляющихся хаотичным набором случайностей, есть проявление скрытого от нас порядка и мельчайшие возмущения в нем часто оказываются причиной предустановленных крахов и устойчивого процветания рынков». Анализируя пути, которыми шла теория рисков, Бернстайн приводит мысленный эксперимент Пуанкаре, ссылавшегося на фантазию Камиля Фламариона, предлагавшего представить мир без причинно-следственной связи. Например, если рассмотреть путешествие человека со скоростью, большей скорости света, то для него «время изменит направление (с положительного на отрицательное). История повернет вспять, и Ватерлоо случится раньше Аустерлица... Все будет казаться ему своего рода хаосом в состоянии неустойчивого равновесия. Все в мире покажется сплошной случайностью»⁹.

Однако я бы сказала иначе: не «все будет казаться хаосом», а причины и следствия поменяются местами, при этом создавая у наблюдателя *иллюзию понимания* им взаимосвязей. То есть человеку будет казаться, что то, что на самом деле является причиной, есть следствие, и наоборот.

На мой взгляд, то, с чем мы имеем дело в нашем мире, — это разрозненные следствия причин, которые от нас скрыты, т.к. расположены в альтернативном мире (в пространстве идеальных миров). Можно сказать, что мы — зрители, которые каждый раз видят последний акт пьесы, и эти последние акты мы выстраиваем в логическую цепочку с целью обнаружения причинно-следственной зависимости, позволяющей контролировать события и — более или менее — влиять на них. На самом же деле, то, что мы выстроили в такую цепочку, — не непосредственно причины и следствия друг друга, а заключительные звенья глубинных причин, которые уже между собой образуют в альтернативном мире собственные причинно-следственные ряды. Таким образом, в поверхностных проявлениях мы действительно имеем возможность уловить некий след подлинной причинно-следственности, но именно с вышеупомянутыми оговорками.

Теперь вернемся к идее обратной причинно-следственной зависимости: когда следствие (в форме наказания) уже вроде бы состоялось, совершилось *до* проступка. На самом деле, правильное сказать, что это нам, как наблюдателям, способным перемещаться в пространстве со скоростями, существенно меньшими световых, так видится эта взаимосвязь. Однако та же цепочка зависимостей, увиденная из мира, где действует наблюдатель, скорость перемещения которого в пространстве больше скорости света, предстает совершенно привычной: причина предшествует следствию. В результате то, что в альтернативном мире прошлое, в нашем мире — будущее. Именно вследствие такой «обратности», перевернутости видения мы восприни-

⁸ Бернстайн П. Против богов: Укрощение риска. М., 2006. С. 219.

⁹ Цит. по: Бернстайн П. Против богов: Укрощение риска. С. 218.

маем события, которые на самом деле являются следствиями, как причины: ведь в нашем мире они появляются *раньше* событий, которые мы рассматриваем как связанные с ними причинно-следственной зависимостью. Значит, ничем иным, кроме причин, они — по логике наблюдателя из нашего мира — быть просто не могут. На самом же деле это следствия, и только из-за обращенности нашего восприятия времени они предстают для нас как наступающие раньше, а значит, в нашем понимании, никак не могущие быть ничем иным, кроме причин: ведь следствие не может предшествовать причине, а причина не может располагаться за следствием.

Иными словами, мы правильно улавливаем, что события сопряжены между собой, соединены некоей связью; но в том случае, когда дело касается вопросов, в которых необходимо принимать в расчет отношения между мирами, искаженно видим характер этой связи: причину принимаем за следствие, а следствие за причину. И это происходит потому, что восприятие отношения «раньше—позже» у нас (еще раз повторюсь: в случае, если дело касается событий, сопрягающих идеальный и реальный миры) оказывается обратным. И то, что *для нас* появилось *раньше* в этой цепочке событий, мы называем причиной, а то, что *позже* — следствием.

Конечно, неверно было бы думать, что привычной нам формы причинно-следственной направленности вообще не существует: она действует для событий нашего мира и для событий альтернативного мира, но как отдельно взятых: когда наблюдатель принадлежит к той же системе координат, что и событие, за которым он наблюдает. Если же речь заходит о *взаимосвязи двух миров*, т.е. субъект, принадлежащий нашей системе координат (физическому миру), наблюдает за событиями, разворачивающимися в альтернативной системе (в мирах знания-мнения субъекта), она предстает для него как обратная: будущее оказывается предшествующим прошлому (а на самом деле всего лишь *видится как* предшествующее прошлому).

Интерпретация аттракторов в предлагаемой модели

Теперь вернемся к вопросу о специфической способности нашей интуиции каким-то чудесным образом предвидеть, пред-знать, к какому аттрактору направлено развитие системы. Пуанкаре, упоминая мысленный эксперимент Фламариона с наблюдателем, скорость перемещения которого в пространстве больше световой, говорил о том, что происходящее будет ему видиться как хаотический набор случайностей. Раньше характеристика «хаос» воспринималась как однозначно указывающая на отсутствие в системе порядка. Однако рождение теории хаоса позволило понять, что на самом деле в основе бесконечного разнообразия проявлений мира, в которых человек не усматривает регулярностей, лежат простые и красивые закономерности, описываемые в теории хаоса как странные аттракторы. Их немного, и выявлять их удастся за счет использования современных мощных компьютеров, в результате огромного количества операций вычерчивающих кривые, которые, многократно налагаясь друг на друга, начинают высвечивать некий регулярный паттерн, проступающий в этом вариативном рисунке.

Почему в синергетике существует представление о том, что аттрактор притягивает события в системе, что будущее системы как бы «вытягивает на себя» настоящее? Я предлагаю такой вариант ответа: это может проис-

ходить потому, что то, что видится нам как будущее, как следствие, на самом деле (если принять во внимание, что наблюдатель и наблюдаемое принадлежат разным системам координат, в результате чего возникает эффект противоположной направленности времени) — прошлое и причина. Но одно уточнение: не для нас, не в универсуме с физическими константами нашего мира, а в универсуме, где наблюдатель движется со скоростью, большей скорости света. Это в нашем мире событие, видящееся нам следствием и описываемое аттрактором сложной системы, еще не произошло, а в мире наблюдателя, движущегося со скоростью, большей скорости света, оно — причина, и оно уже состоялось. А то, что для нас произошло, свидетелями чего мы являемся (воспринимая это всё как бесконечное разнообразие и случайности) и что рассматриваем как причины будущих событий, на самом деле, для того наблюдателя — следствия уже реализовавшейся в его мире причины. Для нас это событие его мира и не видимо, и не вычленимо из-за гигантского разнообразия данных, которые должны быть нами учтены, чтобы — на базе наших возможностей — найти «вытягивающий на себя» систему аттрактор. Но то, что мы видим и воспринимаем, так бесконечно разнообразно и уникально в богатстве своих проявлений, что мы просто не улавливаем повторяемости и единообразия, лежащих в основе всего.

Если же взглянуть на происходящее в обратном направлении: от аттрактора (который, как видится нам, «вытягивает на себя» развитие событий в сложной системе) к исходным условиям (исходным для нас, в нашем мировидении), то мы обнаружим самую обычную причину и многообразные ее проявления в виде богатства следствий, реализующихся на всех уровнях функционирования системы. Потому что то, что нам видится как следствие (странный аттрактор), — если посмотреть на ситуацию из мира наблюдателя, движущегося в пространстве со скоростью, большей скорости света, — это причина. Из-за того-то аттрактор и «притягивает» к себе развитие процессов в системе; потому в определенном диапазоне начальные условия функционирования системы и оказываются несущественными; потому у нас и создается впечатление, что будущее *строит под себя* настоящее, «вытягивает его на себя», что это *не будущее, и не следствие, а прошлое и причина*, только увиденные не из нашего мира, а из мира наблюдателя, движущегося в пространстве со скоростью, большей скорости света.

Иными словами, там, где речь заходит о цепочках событий, относящихся к разным мирам, один из которых, условно говоря, альтернативный по отношению к нашему (скорости больше световых), а другой — обычный, физический, там события, похоже, разворачиваются именно по цепочке «обратной перспективы причинно-следственной связи».

На первый взгляд может показаться, что идея, лежащая в основе предлагаемого в статье объяснения парадоксов причинности (а именно, что наблюдатель в идеальных мирах перемещается со скоростью, большей скорости света), — не более чем модельная уловка, призванная обосновать возможность существования обратной направленности времени и, соответственно, всех тех парадоксов, которые возникают на пересечении противоположно ориентированных стрел времени. Однако хочу обратить внимание, что в идеальных мирах субъекта и в самом деле все так и происходит: персонаж, принадлежащий этим мирам (активно действующее лицо, агент действия в них), *способен перемещаться* в пространстве со скоростями, большими световых. В этом нетрудно убедиться: сейчас я воображаю себя находящейся на околоземной орбите, а через мгновение могу представить, что

оказалась на Марсе или на Юпитере, или вообще на какой-нибудь Альфа Центавра. И в своем воображении (как персонаж собственного идеального мира) я именно там и окажусь ровно в то же мгновение, в которое представлю себе это. Иными словами, я, как действующее лицо собственных идеальных миров, и в самом деле обладаю способностью перемещаться в пространстве со скоростью, большей скорости света. Поэтому нет ничего противоразумного в том, что в качестве основной физической характеристики идеальных миров (миров знания-мнения субъекта) я использую такую характеристику, как возможность для наблюдателя перемещаться со сверхсветовыми скоростями.

Вознаграждение, предшествующее свершению, или практическая полезность предлагаемой модели

Исходя из предложенной модели, можно сделать интересный практический вывод.

Всем давным-давно и хорошо известно, что следование духовным традициям требует от нас не завидовать и не судить. Однако же, хотя каждый об этом знает, людям порой бывает непросто справиться со своими переживаниями, возникающими по поводу того, что вселенская справедливость, как им кажется, в определенных конкретных случаях нарушается. Например, человек, на их взгляд, абсолютно недостойный, вдруг почему-то оказывается преуспевающим и обласканным судьбой. У них же, заботящихся о том, чтобы жить нравственно, поступать правильно, а потому заслуживающих всяческой поддержки и поощрения от высших сил, все в жизни не складывается. При таком мироощущении сколько человеку ни говори: «не завидуй и не суди», с высокой долей вероятности можно ожидать, что это окажется за порогом его возможностей. То есть на поверхностном уровне, обманывая самого себя и постоянно одергивая, он может как-то контролировать свою зависть и склонность судить других, но такая форма «работы» с собой на самом деле очень разрушительна и неплодотворна. (Поскольку сила действия равна силе противодействия, чем больше мы боремся с некой интенцией, тем сильнее она становится.)

Так вот я полагаю, что человеку, если он примет логику, лежащую за вышесприведенными рассуждениями, будет гораздо легче реализовать в своей жизни моральный императив «не завидуй и не суди». И не в силу давления авторитета традиции, а по собственному свободному и осознанному выбору, что, как мне кажется, и намного продуктивнее, и намного правильнее.

Я сейчас намеренно не буду рассматривать вариант, когда человек только кажется отдельно взятому завистнику недостойно вознагражденным, а рассмотрю случай, когда кто-то и в самом деле совершает множество не слишком хороших вещей, однако же при этом процветает (и окружающим такое положение вещей трудно принять, не разочаровываясь в идее справедливости).

До этого мы рассматривали, как возможно, что наказание за проступок может предшествовать совершению проступка. Но если предложенная логика верна, тогда допустим и другой вариант ситуации: вознаграждение (следствие) — по видимости, т.е. как это видится *из нашей* системы координат, — может предшествовать свершению (причине). И на мой взгляд, это многое объясняет из того, что кажется сегодня непонятым, лишенным логики, несправедливым.

Мы не в состоянии воспринимать обратную последовательность причинно-следственных связей, поэтому для нас нет смысла в вознаграждении за то, что не совершено и — на наш взгляд — неизвестно, будет ли вообще совершено. Наблюдатель же, который перемещается в пространстве со скоростью, большей световой (в случае рассмотрения морально-нравственных коллизий, соотносящихся с идеями вознаграждения-воздаяния, назовем его Бог), имеет такое же свободное восприятие подобной последовательности, как мы прямой. И поэтому то, что нам видится как непонятно откуда взявшееся вознаграждение, в его мире — справедливое воздаяние за *уже* совершенное (хотя для нас — в универсуме с физическими константами нашего мира — оно еще не произошло, и мы его не видим).

Поэтому, когда Бог кому-то дарует благоденствие — хотя бы мы и считали, что делать это совершенно не за что: обласканный ничем не заслужил подобной милости, — на самом деле, вполне возможно, есть за что: просто информацию об этом имеет Бог, а не мы. В *его* мире, в *его* универсуме возможностей то, что у нас еще не произошло, *уже* состоялось, и это ставшее вознаграждается.

Поэтому когда призывают к праведной жизни и говорят что-то вроде «Бог всё-о-о видит!», в этом есть своя правда, но не та, которую человек предполагает: дело не только в том, что Бог знает тайны сердца. Вполне вероятно, он знает, *что* человек *уже* *сделал* в форме поступка, реального действия, реального выбора в идеальных (по предложенному определению) мирах, хотя в нашем мире этого еще не произошло. Просто данное событие, данная взаимосвязь, представляющая для нас как следственно-причинная, доступна лишь наблюдателю, условно говоря, движущемуся в пространстве со скоростью, большей скорости света. Иными словами, Бог знает те наши поступки, которые (для нас, в нашем мире, в нашем миропонимании) мы еще не совершили и о которых не имеем даже представления, что совершим, но в *его* мире, в мире существа, движущегося в пространстве со скоростью, большей световой, они уже произошли, они уже свершившийся факт. Он их видит так же, как мы видим то, что происходит в нашем мире: ведь для него они *уже* есть.

Но тогда вопрос: а можем ли мы иметь хоть какое-то представление о том, что это могут быть за поступки? Мне кажется, да: это и есть то, что живет в наших помыслах, в наших глубинных predispositions о мире и о себе. Именно поэтому, я думаю, духовные традиции говорят о большей значимости помыслов, чем поступков. Помыслы — это то, как мы (в качестве существ линейного, физического мира, в своей эго-ипостаси) переживаем / воспринимаем / ощущаем действия, которые мы же (в качестве существ альтернативного мира) *уже* совершили в идеальных мирах (условно говоря, в реальности Бога) и за которые мы как раз и будем вознаграждены или наказаны.

Поэтому правда: судить справедливость или несправедливость распределения благ в нашем мире бессмысленно — мы не знаем, что судимый нами человек уже совершил в идеальных мирах (т.е., какие у него помыслы), за что именно он вознагражден или наказан.

Таким образом, получается, что предписание не судить и не завидовать, кроме чисто авторитетного статуса, имеет под собой другую онтологию соотношения миров и, соответственно, другую логику причинно-следственных зависимостей, которая и обуславливает базис формулирования данных рекомендаций не просто как моральных (к чему все мы привыкли), но как по-настоящему грамотных стратегий поведения человека на стыке миров. И это обеспечивает, в конечном счете, его же процветание.

Я всегда считала и продолжаю считать, что, вопреки расхожему мнению, философия — одна из самых практических наук. Потому что только на базе понимания общей логики развертывания процессов в мире можно по собственному свободному выбору, а не под принуждением и не в силу моральных императивов выбрать эффективную линию поведения, которая, как убеждает опыт, оказывается и морально поддерживаемой духовными традициями. Пока человек имеет все известные рекомендации в качестве моральных императивов, у него велико сопротивление тому, что кажется навязываемым *извне*. Отсюда соблазн не следовать им, пренебречь ими. Но поскольку ему с детства внушено, что такое поведение плохо, неправильно, он начинает с собой бороться. Потому что если некие положения являются не собственной личностной составляющей мира, а попадают извне, они сохраняют статус авторитетности, но при этом все-таки чужеродности для данного конкретного индивида, — ведь он сам к ним не пришел на собственном опыте. А опыт такой бывает довольно болезненным.

Философия же, проясняя для человека глубинные зависимости, которые лежат в основе таких рекомендаций, позволяет осознать, что они не только глубоко не случайны, но даже и не просто «моральны», «нравственны». В том случае, если человек осознаёт глубинную, базовую подоплеку нравственных императивов, коренящуюся в природе мироустройства, у него появляется реальная возможность сделать это «морально-императивное» знание личностным, глубинно внутренним, даже если он, что называется, не набивал себе шишек в соответствующей сфере. А это значит, что ему будет гораздо проще быть нравственным и благополучным и самому же от этого процветать, делая и свою жизнь, и жизнь окружающих его людей счастливее и гармоничнее.